

ВИКТОР БУРЕНИН

СТИХОТВОРЕНИЯ

Виктор Петрович Буренин

Стихотворения

*Текст предоставлен правообладателем
Стихотворения: 1866*

Аннотация

«...Грянул гром не из тучи...

Ах я грешник окаянный!

Я себя в восторге чистом

До сегодняшнего полдня

Называл матерьялистом.

Был я к Бюхнеру привязан,

Покоряясь общей моде,

И читал его девицам

В запрещенном переводе...»

Содержание

Парижский альбом (Посвящается А. Н. Майкову)	4
1	4
2	6
3	7
Драматические сцены по поводу выхода «Современника»	9
1. В Москве	9
2. В Петербурге	13
После первого чтения г. Юркевича по «Философии»	16
Главы из «Благонамеренной поэмы»	18
Песнь первая	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Виктор Петрович Буренин

Стихотворения

Парижский альбом (Посвящается А. Н. Майкову)

1

В русской церкви за обедней
Весь beau monde наш собрался;
Там Тургенева я встретил;
Поболтали с полчасца.

«Каково, Иван Сергеич,
Поживаете?» – «Merci.
Всё пишу о нигилистах –
Русь от них Христос спаси!»

«Нет ли с Севера известий?»
– «Вот Некрасов пишет мне,
Будто всякий день ему я
Всё мерещуся во сне».

«Что вы?» – «Право! зазывает
В «Современник»; ну, да я
Не поддамся, симпатию
В сердце к «Вестнику» тая».

Я любил за чашкой кофе
Восседать в cafe Durand.
Там февральской революции
Начался плохой роман.

Там фразерствовал когда-то
Благородный гражданин,
Автор разных медитаций
И виконт де Lamartine.

Там в дни оны «депутаты»
Проживали годы в час,
Революцию создавая
И волнуясь из-за масс!

А теперь сидят там чинно
Буржуа и пьют лафит,
И пред входом полицейский
Ходит мрачен и сердит...

3

Diab!e m'emporte! Гулять я вышел
От Concorde и вдоль «аркад».
Что ж? – едва ль не в каждой арке
Полицейские стоят!

Sacrebleu! До Tour Saint-Jacques я
Прошагал всю Риволи –
И клянусь вам, полисмены
Непрерывной цепью шли!

Sacristie! К Пале-Роялю
Выхожу я: тут и там
Полицейские повсюду –
Посредине, по углам!

Cent milles diables! Иду я дальше:
Rue Saint-Marc, quartier Breda
Охраняет равномерно
Полицейская орда!

Ventre-saint-gris! Вот на бульвары
Занесла меня судьба.
Что же? – вижу полисменов
Я у каждого столба!

Драматические сцены по поводу выхода «Современника»

1. В Москве

Магазин Базунова. Два «благонамеренных».

1-й благонамеренный

Кто сей толстый, Базунова
Запрудивший магазин?

2-й благонамеренный

Это _он_ явился снова,
Нигилизма ярый сын!

1-й благонамеренный

Что ж, воздержанный начальством,
Стал ли нынче он смирней?

2-й благонамеренный

Нет, увы, с былым нахальством
Всё шипит, шипит, как змей!

1-й благонамеренный

Что ж, великого Каткова,
Заслужившего хвалу,
Он...

2-й благонамеренный

Отделявает снова,
Изрыгнув Москве хулу!

1-й благонамеренный

Что ж, исполнен прежней блажи,
Отвергает дерзко он
Даже?..

2-й благонамеренный

Ну, ему все «даже» –
Бред, сумбур, мечтанья, сон!

1-й благонамеренный

Что ж, ужель опять скандалы

Он пускает, как пускал?

2-й благонамеренный (махнув рукой)

Что тут! все как есть журналы
Поголовно обругал!

1-й благонамеренный

Что ж, ужель опять «мальчишки»
В нем найдут себе притон?

2-й благонамеренный

Да уж в этой первой книжке
Им хвалы слагает он!

1-й благонамеренный

Что ж, ужель раздается снова
Возмутительный «Свисток»?

2-й благонамеренный

Да, сей бич всего святого
В надлежащий выйдет срок!

Оба вместе (с ужасом)

О, бежим от Бабунова:
Нас враждебный гонит рок!

2. В Петербурге

Невский проспект. Сходятся: М. Достоевский, Громека и Краевский; у каждого «Современник».

Достоевский

Появился!

Громека

Вот он!

Краевский

Эка

Толщина-то, толщина!

Громека

Да... а кто ж, как не Громека,

Разрешению вина?

В прошлой «хронике» я смело

Стал начальству объяснять,

Что теперь пора приспела

Нигилистам волю дать.

Достоевский (язвительно)

Ну, почтеннейший мой, смею
Объяснить вам, на свою
Написали вы на шею
Эту мудрую статью!
Вот уж с ними солидарность
Вы иметь бы не должны:
Посмотрите, в благодарность
Что вам пишут «свистуны».
(Показывает ему какую-то статью.)

Громека

Что? невежда я и школьник?!
(Громовым голосом.)
Ну так слушай, Невский град:
«Современник» есть крамольник!
Нигилизм – ужасный яд!

Достоевский (Краевскому)

А меня на «почве» милой
Оскандалили!

Краевский (меланхолически)

Грущу...

Достоевский

Ну, да я сберуся с силой:
Купно с Федором отмщу
Иль Косицу напущу!

Голоса благонамеренных из атмосферы

Сей журнал – исчадьє мрака!
В нем хозяин – сатана!

Краевский

Так, друзья мои; однако
Толщина-то, толщина!

1863

После первого чтения г. Юркевича по «Философии»

Грянул гром не из тучи...
Ах я грешник окаянный!
Я себя в восторге чистом
До сегодняшнего полдня
Называл матерьялистом.

Был я к Бюхнеру привязан,
Покоряясь общей моде,
И читал его девицам
В запрещенном переводе.

Наводил на дам московских
Больше, чем все черти, страха,
Проповедуя идеи
Молешотта, Фейербаха!

Но ко мне внезапно в душу
Благодать сошла господня:
Мне Юркевич многоумный
Свет ее открыл сегодня.

Доказал он мне – о небо,
Я предвидеть это мог ли! –

Психологии незнание
В обожаемом мной Бокле!

Горько плачь, несчастный Бюхнер,
Достодолжную острастку
Обещает дать тебе он,
Сняв с твоей системы маску!

Для девиц и дам московских
Ты не будешь страшной тенью,
Не привьешься гнойной язвой
К молодому поколению!

Вот тебе пример: навеки
Я прощаюсь с тобою,
Породнил меня Юркевич
С философией иною;

Почитать я буду старших,
Полон к ним благоговенья,
И в великий пост намерен
Справить ровно два говенья!

1863

Главы из «Благонамеренной поэмы»

Песнь первая

Слава нам! В поганой луже
Мы давно стоим,
И чем далее, тем хуже
Мы себя грязним!

Конрад Лилиеншвагер

3

«Велика и обильна родная земля» –
Мы читали из школьных тетрадок;
«Но порядка в ней нет» – прибавлялось; теперь
Положительно есть и порядок.

Не угодно ль взглянуть – поразительный вид:
Вот народ в шестьдесят миллионов,
Что в любви и примерном согласии живет

Под эгидою мудрых законов.

Всем известно, на праве основан закон...
Как бы здесь мне хотелось здраво
Бросить взгляд на идею, значение и цель
Высоко мною чтимого права.

Изъяснил бы весьма юридически я,
Что спасительна порка для вора,
Как толкуют Капустин, Чичерин Борис
И юристов немецкая свора.

Но боюсь от предмета отвлечься... К тому ж
И «причин независящих» бездной
Руководствуюсь я... Так не лучше ль опять
Возвратиться к отчизне любезной?

Мы сказали, порядок у нас и во всем
Равновесие сил разнородных:
В низших классах наивная честность, зато
Есть лукавство рабов в просвещенных.

Все сословья концерт у нас общий дают;
Что за звуки! разлив их так ровен,
Так приятно согласен! В гармонии нам
Уступают Моцарт и Бетговен!..

Это точно, была роковая пора,
Взволновались однажды мы очень,

В оны дни, как солидные лица свои
Удостоивать стали пощечин.

Жажда плюх, как известно, пришла из Москвы:
Там, великих начал провозвестник,
Первый начал валять по ланитам себя
Джентельмен раздражительный «Вестник».

Мудрый Кокорев в такт ему вдруг заушил
Тучный лик свой, и вслед им Погодин
Энергично взялся за ланиты свои,
Находя, что сей акт благороден.

Петербургу понравилось это; и мы
Года два перед взором Европы
Колотили себя и в то время нашли,
Что не надо и розог!..

(Говорят – не ручаюсь за верность молвы, –
Что в те бурные дни из аптеки
Для целения арнику больше всего
Отпускалось Степану Громеке.)

Воспевали поэты в высоких стихах
Заушения подвиг отменный
И пророчили нам, что в грядущем за то
Вознесемся мы в целой вселенной...

Появились, однако, тогда ж господа,

Что немножко в скептическом духе
Объясняли всеобщую жажду – себе
Задавать с наслаждением плюхи.

Эти скептики нам утверждали, что мы,
Потеряв на ланиты чужие
Наше прежнее право, себя по щекам
Принялись колотить, как шальные!

Впрочем, плюхи звучали... и стихли потом;
Раздалась на железной дороге
Вновь одна, но уж та по чужому лицу,
И – порядок остался в итоге!

5

Я, читатель, от няни-старушки слышал
В дни волшебно мелькнувшего детства
Много сказок чудесных: один этот клад
Мне она завещала в наследство.

На меня не посетуют, если теперь
Сказку я расскажу: отчего нам
Не запеть, как певалось в минувшие дни,
Простодушно-младенческим тоном?

Я люблю звуки песен бывшего, люблю

Этих звуков волшебные песни;
Сердцу сладко минувшие дни вспоминать,
С ними жизнь и светлей и чудесней!..

Так начнем же: далеко, в заморских краях
Жил волшебник Прогресс благодушный,
Правил мирно страной да творил чудеса,
И Прогрессу все были послушны.

Жил Прогресс, не тужил; да случилось, узнал,
Что есть целые грады и веси,
Где в спокойствии добрые люди живут
Да и знать не хотят о Прогрессе.

Он разгневался. «Ну, – говорит, – коли так,
Сам иду я, своею персоной
К этим людям: посмотрим мы, как-то у них
Будет принят властитель законный?»

Собрался он без свиты; шел день, может, два,
И пришел наконец: ничего-то
Не видать – ни долинок, ни речек, ни гор,
Лишь зловонное видно болото.

Люди разных чинов и сословий сидят
В том болоте средь грязи смердящей,
Жрут ее да хвалебные песни поют,
Полагая, что пищи нет слаще.

«Что за мерзости!» – плюнул волшебник Прогресс,
Да и прочь было... глядь: вместо суши
Очутилась трясина под ним – и завяз
Он в трясине по самые уши!

Оглянулся он в страхе: толпою к нему
Разноцветные люди всплывали –
На лицо ему плюнули грязью, потом
Сами грязь ту облизывать стали...

И сидит в том болоте Прогресс, и досель
Он не может уйти из болота...
«Ну уж сказка!» – кричат мне. Соскучились вы? –
Самому мне невесело что-то...

«Для чего же рассказывать было ее? –

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.